

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

МАРИНА И
КАТЕРИНА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Марина и Катерина

Аннотация

«Горы, доли – (и годы, десятилетия), – язык, народ, земля – все разделяет этих двух женщин, Марину и Катерину. Оне не знают о существовании друг друга и никогда не узнают; никогда не встречались и не могут встретиться (как две параллельные линии). Одно разделяющее их «время» (три десятилетия) было бы достаточной тому причиной. Марину, статную, круглолицую русскую бабу, я узнал в конце века. Ей было тогда лет 29. Катерине, французской девушке итальянской крови, и сейчас нет 25-ти. Изжелта-русая Марина, ее косица, подтянутая и заколотая на макушке, ее певучий, на «а», северный русский говор, – и Катерина в черных модных кудрях, сыплющая французской частушкой... что между ними общего? Что соединило их в моей мысли?..»

Содержание

Зинаида Гиппиус

Марина и Катерина

Горы, доли – (и годы, десятилетия), – язык, народ, земля – все разделяет этих двух женщин, Марину и Катерину. Оне не знают о существовании друг друга и никогда не узнают; никогда не встречались и не могут встретиться (как две параллельные линии). Одно разделяющее их «время» (три десятилетия) было бы достаточной тому причиной. Марину, статную, круглолицую русскую бабу, я зазнал в конце века. Ей было тогда лет 29. Катерине, французской девушке итальянской крови, и сейчас нет 25-ти. Изжелта-русская Марина, ее косица, подтянутая и заколотая на макушке, ее певучий, на «а», северный русский говор, – и Катерина в черных модных кудрях, сыплющая французской частушкой... что между ними общего? Что соединило их в моей мысли?

Общее, или какой-то параллелизм, между ними есть. Правда, первым толчком к тому, что я подумал о Марине и Катерине вместе, – были некоторые совпадения, чисто внешние, даже смешные. Я скажу о них потом. Но, раз занявшись исканьем общего, я открыл его, и тем более достойное внимания, что это общее как-то еще ярче подчеркивает глубокое различие, разность обеих женщин. Если б индивидуальное!.. но не в том дело.

Оне одинакового происхождения.

Марина – из деревни Лужского уезда. Там ее, молодую, и выдали замуж, за лядщего, не под стать ей, хилого мужичонку. Он недолго проскрипел, и Марина, честь честью его оплакав, пошла в город, в Петербург, на место. Не в родительскую же семью ворочаться, там ртов и без нее довольно.

И Катерина из семьи... ну, не «мужиков», а «cultivateurs»¹ (что, однако, то же самое). Обе она выросли за работой «на земле»: невелика разница, что Марина, копая картошку, могла видеть перед собою лужские песчаные сосенки, а Катерина, за тем же делом, – голубую черту Средиземного моря.

Когда подросли другие дети (семья тоже большая) – пошла на место, в люди, и Катерина.

Я знал Марину, когда она была прислугой «за все» в близкой мне семье, у четы молодоженов. В Петербурге.

Я узнал Катерину такой же прислугой, une Ю!!!! tout faire² у той же самой петербургской четы (давно превратившейся в староженов). В Париже.

И еще одно совпадение связало для меня Марину с Катериной: обе она попали в поле моего зрения тогда, когда обе находились в период влюбленности... в солдата.

Человек во влюбленном состоянии вообще делается виднее. Его черты, – вовсе не только индивидуальные, но и национальные, социальные, современные, – как-то подчерки-

¹ земледельцы (*фр.*).

² по уборке всего дома (*фр.*).

ваются. И последние особенно, если индивидуальность не сильна, если человек «типичен».

Две молодые женщины, одинакового социального положения; два «предмета» у них, два солдата: русский и французский.

Любовь, и 30 лет тому назад, и 300, и 3 тысячи, и сегодня, – все любовь. Хочешь не хочешь – надо признать в ней что-то «вечное». Вот на фоне-то «вечного» особенно хорошо и наблюдается смена времен, глубокая разность культур, стран и народов.

* * *

Марина влюбилась в своего солдата летом, на даче (я приезжал туда гостить к друзьям), не помню, кажется – под Красным.

Марина не лишена юмора. Она фамильярна, но про то не знает. Фамильярна по простоте, а внутреннее отношение к «господам» у нее такое (или вроде), – что у них, мол, свои какие-то дела, непонятные и ей неинтересные, а им неинтересны дела Марины. Из снисходительности она говорит им о себе иногда, но любит говорить в третьем лице, и как-нибудь «по-ихнему». Сшила клетчатое платье, довольно нелепое на ее широкой фигуре. «Что это, Марина, – сказала ей барыня, – какой ты пастушкой Ватто!». С тех пор Марина, как наденет платье, идет показаться: «Вот Марина, пастушка

Ватто!». Так же и насчет Николая призналась: «Уж и влюблена Марина в солдата, – страсть!».

Призналась, потому что нельзя было иначе: солдат ведь являлся, хоть и не часто, а главное – иногда присылал письмо. Марина же и прочесть не могла, не то, что ответ писать. неграмотна. Значит, барыне надо поручать.

А как-то пришлось и мне: Марина со мной не стеснялась. Солдатское письмо было неважное, едва разобрать, однако со стишком. Не помню чепухи, но Марине понравилось: «Пишите уж и от Марины со стишком». «Да еще-то про что?». «Да вопче ответ пишите». Сказать толком ничего не сказала. Но когда услышала мой ответ

Я пишу письмо вторичное
Дорогому Николаю
Как варенье земляничное
Николая обожаю

этот стишок понравился ей, кажется, меньше солдатского. Прimitивная и неграмотная, Марина была, однако, очень неглупа. Проявляла, в неожиданных, правда, случаях, переимчивость и даже творчество. Слышала, как мы раз, за столом, издевательски декламировали стихи одного горе-поэта; сразу запомнила, но, по-своему, исправила. Они показались ей «песней». Явился откуда-то и мотив для песни. Усердно месит тесто, она заливалась в кухне:

Утешения каплю мне влейте
В истомленную душу мою,
Пожалейте меня, пожалейте –

но тут, откинув действительно ужасную строку «Я на краю
нервоза стою», Марина бодро заканчивала:

Я на краюшке Волги стою.

Имелось у нее расположение даже к философии... Но об
этом потом.

А вот солдат ее, по общему мнению, был какой-то облом
и дурак. Парень из соседней с Мариной деревни. Широко-
рожий, два передние зуба выбиты. Почти бессловесный и с
мутными глазами пьяницы.

Когда он являлся, тупой и ражий, Марина шла с ним «в
проходку пройтись», либо в саду, в сумерки, сидели они
вдвоем на канальной доске.

Барыня сердилась: «Дура, эта пастушка Вагто! Ведь ему
еще долго, только два года кончил, третий остается. А ну как
он не женится?».

* * *

Катерина не носит клетчатых платьев пастушки Вагто. Из
дома, от работы «на земле», от строгих родителей (колоту-

шек не меньше ей доставалось, думаю, чем Марине в девочках) Катерина не сразу, но очень скоро, попала к богатым американцам (где уж служила ее старшая родственница). Сильная, живая, красивая, – американцам она, очевидно, нравилась. Побывала с ними в Нью-Йорке, на европейских курортах, но... вернулась по требованию родителей, домой, во Францию. Особого отпечатка ни эти путешествия, ни американское баловство, на ней не оставили. На ней уже был свой отпечаток. Она все же деревенская, – из деревни вышедшая, – девушка, из доброго материала, как и Марина, вылепленная, да только из другого: деревня ее не Лужского уезда.

И восприимчивость у Катерины совсем другая: скорая и какая-то ужасно естественная. Марина стоит, глядит и не угадает, что ей понравится, куда она шагнет: может, и никуда, чего там! Перед Катериной – будто узенькая, но прямая, протоптанная дорожка – вверх; и сама Катерина – легконогая, как не идти?

Быстро и ловко управившись после обеда в кухне, Катерина, в бальном платье, в золотых туфельках, отправляется танцевать в казино, в клуб, если это летом... а придется – так и на сельскую, «*toire*»³, с тем же удовольствием. В Париже, зимой, опять либо дансинг (но не какой-нибудь, и одна не пойдет, а с подружками и знакомыми), либо, конечно, синема.

³ ярмарка (*фр.*).

В кротовой шубке, в модной шляпке, скромную, живую и хорошенькую, – кто отличит ее от «настоящей» барышни-парижанки?

Да и незачем отличать, так неуловим переход от Катерины к «настоящей» барышне, которую, кстати, и определить трудно, какая она.

И где начинается? Дактило, продавщица, служащая в банке, что это, «настоящие» барышни? Таких подружек много у Катерины. Если же за «настоящую» взять ту, у которой шубка подороже, платье поизящнее, то, право, внутреннего отличия, существенного, мы от Катерины в этой средней настоящей барышне не найдем. Получше пишет, потолковее книжки читает, может быть, да манеры получше – вот и все. Но в те же синема она ходит, те же танцы танцует, такую же завивку делает у парикмахера и так же мечтает о том, чего еще не имеет. И хорошо, если желания ее и мечты добротны, подобно Катерининым, если она хочет быть хорошей женой и матерью и не боится труда...

Здесьняя средняя «настоящая» барышня стоит на той же дорожке, или лесенке, – вверх; если Катерина на ступеньке пониже, то ступеньки мелкие, полузаметные; по ним не тяжело и подыматься, иди себе да иди, сколько тебя хватит... А дальше – дети твои пойдут.

Но я отвлекаюсь. Вернемся к счастливой Катерине, влюбленной в своего «солдата», как была Марина влюблена в своего. Катеринин отбывает военный год (только год!) вдали от

Парижа. До службы он был главным приказчиком в одном из громадных магазинов «Potin». Тут, за провизией, они с Катериной и познакомились.

Он не парижанин, он северный француз, из-под Руана. Там у него свои родители, тоже «семья» (это особенно звучит по здешнему месту, не надо забывать!). Обе семьи, и жениха, и невесты, уже находятся в контакте, несмотря на расстояние. Старики и там и здесь начали с работы «на земле». Если южане, между прочим, занимались виноградниками, то северяне – яблоками (сидр). Но скоро старики будут жить на покое: подросли дети, станут работать они... а как – им виднее, лишь бы работали.

Солдат Морис – меньше всего похож на Марининого Николая. Смышленный, проворный, веселый, любит читать, интересуется газетами. Через полгода службы он уже «капрал». Он серьезно уважает «семью», искренно влюблен. Невесте, в продолжение долгих месяцев он пишет **каждый день**.

К службе относится ответственно, как к *devoir*⁴, но высчитывает, сколько еще осталось до окончания, до счастья со своей «*poulett*»⁵. Он пишет совсем недурно, с немного однообразным излиянием чувств, но приятно и рассудительно. Катерина тоже, из месяца в месяц, каждый день пишет ему длинные письма. Помощь барыни (а *patronne*) ей, как бедной Марине, совсем не нужна... И, однако, разговор о Морисе у

⁴ обязанность (*фр.*).

⁵ «цыпленок» (*фр.*).

Катерины с «Madame» не иссякает, и ежедневно приносится для прочтения очередное письмо солдата.

– Знаете? – сказала мне эта, когда-то молодая, хозяйка Марины и Катерины. – Не могу отделаться от впечатления, что Марина была... как-то **целомудреннее** в своей любви. Фактически-то наоборот: здесь все «по-хорошему», и родители, и «respect»⁶, а Марина едва до первых родов обвенчаться успела. Да вот Марина по нужде, по неграмотности, признавалась, что влюблена, и в подробности не входила... А эта все бумажные жениховские поцелуи несет ко мне, и при мне же спорят они, кто кого сначала хочет, мальчика или девочку... Не понимаю; латинской души, должно быть, не понимаю. При этом ведь глубоко уважаю эту ихнюю святыню, – «famille»⁷, а назад, к Марине обертываясь, напротив, – ужаюсь...

Ну, насчет «целомудрия»... моя приятельница забыла, упустила из виду, что для Марины «барыня» – другое, чем «Madame» для Катерины. Для Марины «господа» были каким-то сортом людей, или породой людей, совершенно ей чуждых, непонятных и неинтересных. У нее и у них – разные дела, без всякого касательства. Точно бездонный провал разделял Марин, Николаев, – и «господ». У Марины была своего рода гордость по отношению к этому далекому сорту людей, иногда снисхожденье. Главное же – непорочность

⁶ уважение (фр.).

⁷ семья (фр.).

разделяющей пропасти (и никакого желания и нужды ее переступать). Все это, конечно, бессознательно: но в ощущении – так.

Для Катерины – нет ни провалов, ни особых сортов; она не ощущает никакой серьезной разницы (коренного порядка), между «патронами», платящими деньги за известную работу, и получающими за работу. Это отношения деловые, а хорошо ли складываются – зависит от того, каков патрон, каков служащий. Катерина отлично знает, что и сама, в дальнейшем, может сделаться «патроншей» в каком-нибудь роде, – «хозяйкой» служащих. О, конечно, понимает она и другие особенности «Madame et monsieur»⁸: они могут знать больше, чем она, учились дольше (долго ли она ходила «en classe»⁹), наконец – они могут быть «les nobles»¹⁰; это все она уважает в свою меру, если с этим встречается. Однако основной элемент человеческого «равенства» никогда не бывает уничтожен: он не в разуме, а, кажется, издавна, уж в крови.

Поэтому фамильярность такой Катерины (если удачная хозяйка) ничего общего не имеет с Марининой фамильярностью, вынужденной и, по простоте, неумелой. Марина полагает, что ее живые интересы «не имеют касательства» с непонятными и ненужными ей интересами «господ». А Катерине и вопроса такого на ум никогда не взбрело.

⁸ Госпожа и господин (*фр.*).

⁹ в школу (*фр.*).

¹⁰ знатные (*фр.*).

Отсюда, я думаю, идет и своеобразное «целомудрие» Марины, или то, что приятельница моя назвала целомудрием.

А вот, что Марина умнее Катерины – правда. Но «умнее» опять в нашем, русском, смысле, не в здоровом жизненном (тут Катерина перед ней орел), а в отвлеченном. У Марины являлись какие-то тени «вопросов» общего порядка, совершенно для нее бесполезных. Марина не задумывалась, не знала, – что она знала? – к далеким «господам» никогда со своими сомнениями не лезла; просто рассуждала сама с собой, вслух, когда кто-нибудь, из своего брата, был тут же.

Так, раз, заглушая стук котлетного ножа по столу, говорила она громко зашедшей соседней кухарке:

– А что, Домнушка... У церкву я хожу... Богу я молюсь... А есятко Бог по-настоящему – я не знаю...

– Шш-то ты! Шшто ты! – зашипела на нее испуганная Домна. Но не слушая, отбивая дробь ножом, Марина без смущения продолжала:

– По-настоящему-то есятко Он – знать, я не знаю. А у церкву хожу. И молюся. Ну, а знать по-настоящему...

Невообразимо, чтобы Катерине или ее Морису (а он очень неглуп) довелось сказать что-либо подобное, или хоть подумать. Может быть, они атеисты? Или равнодушные? Как бы не так! Они оба из семей, где религия в великом почитании. Оба учили катехизис перед первым причастием, и с тех пор не только не забывают храма и месс, но Катерина ходит в Sacre Coeur, заботливо украшает цветами изображение

маленькой Терезы (общей здесь любимицы), а Морис шлет невесте разные «Neuvaines»¹¹ и постоянно пишет, что опять, в это воскресенье, он горячо молился о даровании им счастья.

Тут, однако, и я, подобно моей приятельнице, глубоко уважаю это все в Катерине и Морисе, утверждаю, радуюсь, глядя на них... обернувшись же вдаль, на бедную Марину, на ее пьяного солдата – Николая – ужасаюсь... Но каким-то образом, каким-то кусочком сердца, Марину понимаю больше...

Впрочем, я не хочу думать об этом. Ужас и боль за таких Марин и Николаев (ведь родных!) заслоняют все. Перед ними не было утоптанной, изведенной дорожки; оттуда, где они были, не вела вверх легкая лесенка. Ее надо было еще строить. Кто знает, не начиналась ли стройка, когда сверху, через провал, обрушились в темную глубь Марины и Николая и те, которые были наверху...? Но не будем касаться последних времен. Для них еще нет у нас слов, не готовы. О сегодняшнем «там» – молчанье.

Здесь же я прямо глазами вижу лесенку, верную, давнюю, крепкую, по которой взбираются люди, семьи, поколения. Морис бегал без штанов, собирая яблоки, потом учил катехизис, потом делал сидр, потом поехал, посланный отцом, учиться жить и работать, как хочет. Потом – «devoir» (вы думаете, он не знает, что такое «отечество», Франция? Вы

¹¹ «Девятидневные молитвенные обеты» (фр.).

думаете, Николай знал, что такое Россия?), и Морис стал капралом. Вчера он читал только забавные романы да газеты, сегодня читает и «Жизнь» Терезы, и «Наполеона»... а почему мы знаем, что будет читать, делать, над чем работать сын Мориса?

Николай спился. Кончив службу, обвенчался с Мариной, и они уехали в деревню.

Я видел Марину несколько лет спустя. Гостил опять у друзей моих, на даче под Лугой, и как-то пошли мы вместе в недалекую деревню, к Марине.

От прежней «пастушки Ватто», с виду как будто и следа не осталось. В избе, кривой, бедность не прикрытая; куча грязных ребятишек. Был и Николай, поседел. Обросший, мутноглазый, без зубов, такой же бессловесный. Детишки от него шарахнулись, едва он показался. Посидел, праздный, вышел. Без него я стал понемножку узнавать Марину, ее говор, ее походку.

– Ну, как живешь, Марина? – неохотно спросил я. Ждал жалоб.

– Да что? – отвечала она, неожиданно бодро. – С детьми только... Дети меня окруживши, к детям я не привыкши... А то чего?

И я совсем узнал Марину, узнал ее своеобразную «гордость» и ее отдаленнейшее, чуждое отношение к нам, «господам». Слишком хорошо знали мы, слышали, какова ее жизнь. Николай смертным боем бил, пьяный, и ее, и ребяти-

шек. А пьян был почесть что всегда. Хозяйство расхищал, – как еще держалось...

Кем стали, если живы, эти – теперь бородатые – Маринины детишки?

* * *

Мне скажут, вероятно, что и Катерина с Морисом, и Марина с Николаем – отдельные личности, индивидуальные случаи. Да, но кроме того есть в этих парах и что-то иное, позволяющее мне проводить мои параллели, и над ними, порой, задуматься.